



Советская дипломатия в борьбе за предотвращение вступления Венгрии во Вторую мировую войну на стороне Германии (1939–1941 гг.)

В.Ф. Пряхин

Московский государственный институт международных отношений (университет)

В статье рассматриваются некоторые аспекты советско-венгерских отношений с момента установления дипломатических отношений в 1934 г. вплоть до вступления Венгрии во Вторую мировую войну на стороне держав «оси». При этом акцент делается на исследование деталей отношений между малыми и великими державами, борьбы малых европейских государств, в частности Венгрии, за свои национальные интересы против посягательств нацистской Германии на суверенные права в формировании внешнеполитического курса.

Этот курс определялся двумя главными факторами: заинтересованностью венгерской политической элиты во главе с М. Хорти в формировании своеобразного «крестового похода» против коминтерновской Советской России, с одной стороны, и стремлением Будапешта избежать серьёзной вовлечённости в какой-либо крупный конфликт между великими державами – с другой. Объективно сочетание этих двух факторов соответствовало политике западных умиротворителей Гитлера по перенаправлению германской экспансии на Восток. Американским и западноевропейским (Великобритания, Франция) акторам в этой геополитической схеме отводилась роль наблюдателей за глобальным столкновением фашистской Германии и Советского Союза до их полного истощения в войне друг с другом. Венгрия, по мысли будапештских стратегов, при этом имела шансы заполучить место среди таких «наблюдателей» без прямого участия в конфликте с последующим участием в новом территориальном размежевании после окончания военных действий. Реальное положение вещей на Европейском континенте к началу 1940-х гг. сложилось, однако, таким образом, что великим западным державам (США и Великобритании) не удалось канализировать гитлеровские планы по завоеванию мирового господства на Восток. Возникла экзистенциальная угроза самим этим державам, повлекшая за собой их вступление в войну.

В этих условиях советская дипломатия предприняла шаги с целью не допустить присоединения Венгрии к участию в войне на стороне гитлеровской Германии. Несмотря на то, что эти шаги не увенчались успехом, изучение этого дипломатического опыта полезно в контексте современного процесса формирования мультиполярного мира.

УДК 32:172.15(470+571)(476)

Поступила в редакцию: 10.11.2023

Принята к публикации: 11.21.2023

Ключевые слова: внешняя политика Венгрии, Вторая мировая война, советско-венгерские отношения, возвращение знамён венгерской революционной армии 1848–1849 гг., бомбёжка Кошице 26 июня 1941 г.

Актуальность обращения к истории советско-венгерских отношений накануне Великой Отечественной войны

В предвоенные годы советская дипломатия предприняла энергичные усилия для того, чтобы предотвратить присоединение к державам «оси» Венгрии – страны, в большей степени зависевшей от нацистской Германии, чем другие малые европейские государства. Важное место в этих усилиях занимал акт возвращения знамён венгерской революционной армии Л. Кошута. Автор ставит задачу пробудить интерес к этой акции в канун её 80-летия как к классическому примеру отечественной «мягкосиловой» дипломатии. Достойным упоминания в историческом плане представляется также участие СССР в Будапештской ярмарке 1941 г., за шесть недель до вступления Венгрии в войну на стороне гитлеровской Германии. Большого внимания историков, по мнению автора, заслуживают и советские дипломаты, работавшие на венгерском направлении в предвоенные месяцы и недели.

Политологический и исторический анализ советско-венгерских отношений упомянутого периода позволяет обосновать вывод о том, что малые европейские государства поддержанием диалога с Москвой значительно повышают возможности укрепить свой суверенитет и проводить независимую внешнюю политику, в том числе и в современную эпоху формирования мультиполярной системы международных отношений.

В данном контексте политически актуальный характер носит сравнительный анализ внешней политики Венгрии в предвоенный период и в наше время. Для обоих периодов характерно стремление сохранить максимальную свободу в проведении самостоятельного внешнеполитического курса, избежать прямого вовлечения в конфликты между великими державами, ставить во главу угла национальные интересы своего государства. Показателен в этом отношении интерес венгерской научной общественности к наследию Иштвана Бетлена, концептуальные взгляды которого определяли курс корабля венгерской дипломатии в межвоенный период. Задачу изучения этого концептуального наследия поставил перед собой Фонд Бетлена, учреждённый по инициативе видного общественного деятеля и публициста Иштвана Бакоша.

Одной из целей настоящего исследования выступает анализ событий, предшествовавших вступлению Венгрии в войну с СССР и, в частности, бомбёжки Кошице, послужившей *casus belli* формального объявления хортистским режимом войны СССР. Между тем сохранившиеся документы и свидетельские по-

казания дают возможность аргументированно опровергнуть доводы фальсификаторов исторических событий тех дней. По мнению автора настоящей статьи, в преддверии 80-летия Победы назрела необходимость издать специальную «Белую книгу» с тем, чтобы поставить точку в этом вопросе и положить конец русофобским фальсификациям.

Обзор литературы

История советско-венгерских отношений, несмотря на наличие ряда фундаментальных работ отечественных венгроведов и балкановедов (П.П. Безушко, Б.Й. Желицки, Ю.И. Игрицкий, Т.М. Исламов, И.В. Крючков, В.Л. Мусатов, Л.Н. Нежинский, К.В. Никифоров, А.И. Пушкаш, А.С. Стыкалин, О.В. Хаванова, В.П. Шушарин и др.) всё ещё остаётся относительно малоисследованной областью в отечественной политологии. Это особенно относится к периоду, непосредственно предшествовавшему началу советско-венгерской войны и, в частности, к т. н. инциденту с бомбёжкой Кошице (венг. Кашша Kassa), послужившему *casus belli* объявления хортистским режимом войны СССР.

Между тем этот отрезок двусторонних отношений изобилует интереснейшими событиями политического, военного, гуманитарного и культурного характера. Их объективному анализу препятствовала и до сих пор препятствует политизация описания событий. Эта политизация вела в прошлом к крайностям в оценках: от пафосной героизации периода двусторонних отношений между Советской Россией и Венгерской советской республикой (Пушкаш 1972: 95–162) до шельмования всех без исключения участников антисоветского восстания 1956 г. как фашистов и сторонников капиталистической реставрации (Пушкаш 1972: 674–703).

Такого рода политизация не чужда и венгерским исследователям, в разные времена изучавшим материю двусторонних отношений между Россией и Венгрией. В силу того, однако, что в численном отношении они превосходили немногочисленный отряд отечественных венгроведов, а Россия в венгерской внешней политике и науке занимает большее место, чем Венгрия в отечественной науке, вплоть до настоящего времени наблюдается определённый дисбаланс в количестве исследований и публикаций по данной тематике в пользу венгерской стороны.

Этот количественный дисбаланс проецировался и на качественные оценки различных исторических эпох, включая период 1934–1941 гг. В отечественной науке отсутствовал нюансированный анализ внутренних противоречий, характеризовавших сложный спектр сил и течений венгерского общества в межвоенный период. Отсюда произвольное отождествление радикальных националистов во главе с регентом Миклошем Хорти и нацистов-хунгароцентристов, группировавшихся вокруг ориентировавшегося на Берлин Ференца Салаши и основанной им партии нилашистов «Скрещённые стрелы». К примеру, это

отождествление нашло отражение в написанном советскими авторами предисловии к фундаментальному собранию документов «Венгрия и Вторая мировая война», изданному Венгерской академией наук¹. Между тем анализ документов данного сборника убедительно свидетельствует о качественном различии в мировоззренческих основах и политических стратегиях радикал-националистов и нилашистов. Хотя диктатор М. Хорти и серый кардинал его режима И. Бетлен, безусловно, придерживались русофобских позиций, они были сторонниками формирования антибольшевистского «крестового похода» против СССР как глобального союза всех западных государств, включая и Германию, и её «мюнхенских умиротворителей». Лидеры хортистов (и лично Хорти как адмирал с навыками глобального геополитического мышления) реалистично отдавали себе отчёт в том, что державы «оси» ждёт поражение в глобальном конфликте с антигитлеровской коалицией. Понимая, какую трагедию означает для маленькой Венгрии участие в войне на стороне гитлеровской Германии, они предпринимали усилия с тем, чтобы отсрочить объявление войны СССР и ограничить параметры присоединения к гитлеровскому нашествию.

Линия хортистов, таким образом, качественно отличалась от курса нилашистов на безоговорочную поддержку гитлеровской Германии.

По мере отдаления от драматических дней июня 1941 г. множится число публикаций, в основном медийного, но также и научного характера, авторы которых исподволь или открыто проводят мысль о правдоподобности и достоверности версии о бомбардировке Кошице 26 июня 1941 г. советскими самолётами². При этом игнорируется главный принцип любого исторического расследования – *Cui prodest*, или «Кому выгодно». Сознательно замалчиваются как «неподкреплённые документально» однозначные свидетельства полковника румынских ВВС Иона Чернойану о том, что бомбардировка была произведена по приказу диктатора Антонеску румынскими самолётами с авиабазы в Сучаве (Венгерский историк Аттила Колонтари... 2022: 181)³.

Тот факт, что деятельность советской дипломатии в предвоенные годы на венгерском направлении не получила пока должного, по нашему мнению, освещения в отечественной научной литературе, объясняется, на наш взгляд, прежде всего тем, что ведущие советские дипломаты, работавшие на руководящих должностях в загранпредставительствах СССР в Венгрии и контактиро-

¹ Ласло Ж. (ред.). 1962. *Венгрия и Вторая мировая война, Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны*. Пер. с венгерского Б.Я. Гейгера и Н.Н. Сикачева. Москва: Издательство иностранной литературы. 367 с. С. 5–18.

² Balassa Z. Kassa bombázása még mindig rejtély III [Kass Bombing is Still a Mystery]. *Felvidék.ma*. A hírportál működtetője: Szövetség a Közös Célokért – URL: <https://felvidek.ma/2021/06/kassa-bombazasa-meg-mindig-rejtely-iii/> (accessed 29.11.2023) (In Hungarian). Sándor G. 2017. Kassa felett az ég... [The Sky above Kassa]. 444. *Történelem*. Július 18. URL: <https://444.hu/2017/07/18/kassa-felett-az-eg> (accessed 29.11.2023) (In Hungarian).

³ Zolcsák I. [et al.]; szerk. 1978. *Anna Walter de Fehér. Erdélyi magyarság* [Transylvanian Hungarians]. Fel. szerk. Buenos Aires.

вавшие с представителями венгерской стороны (Я.Х. Давтян, А.М. Петровский, А.А. Бекзадян, В.А. Плотников, Н.И. Шаронов), не оставили мемуаров. Первые трое из них попали в печально известный расстрельный список «Москва – Центр» и были репрессированы в 1938 г. Н.И. Плотников в 1941 г. освобождён от работы в НКВД «по сокращению штатов» и переведён на работу в Наркомлес. О судьбе Чрезвычайного и Полномочного Посла Н.И. Шаронова, возглавлявшего советское посольство в Будапеште вплоть до разрыва дипотношений 23 июня 1941 г., в доступных автору открытых справочных публикациях полных данных не сохранилось; это даёт основания полагать, что он также мог попасть в список «Москва – Центр»; вопрос о том, как сложилась судьба этого выдающегося дипломата, ждёт своего исследователя.

Деятельность советской дипломатии исследуемого периода также, по нашему мнению, не нашла достаточно полного отражения в советской исторической науке. В фундаментальном труде «История Венгрии», например, утверждается, что и хортисты (Бардошши), и нилашисты (Верт, Стояи) «хотели активного участия Венгрии в антисоветской войне» (Пушкаш 1972: 348).

Между тем в том же труде отмечено (Пушкаш 1978: 350), что хортисты надеялись на предстоящее «взаимопонимание» между Германией и западными державами. Видный отечественный историк исследуемого периода А.И. Пушкаш приводит доказательства того, что хортисты не только пассивно ожидали создания антисоветской коалиции западных государств, но и предпринимали активные шаги, изъявляя готовность взять на себя роль посредника в деле заключения «закулисного мира» западных стран против Советского Союза (Пушкаш 1978: 350). При этом, как отмечается в монографии отечественных исследователей А.С. Стыкалина и Е.-М. Варги (Стыкалин, Варга 2012), на политический кругозор М. Хорти оказало воздействие общение с представителями белой эмиграции и, в частности, встречи с шефом 2-го отдела Русского общевойскового союза (РОВС) генералом А.А. фон Лампе.

Таким образом, линия регента Хорти и его окружения была стратегически более дальновидной и носила не менее чётко выраженный антисоветский характер в сравнении с прямолинейным авантюристическим курсом нилашистов. Хорти и серый кардинал его режима граф Иштван Бетлен хотели активного участия не в гитлеровском нашествии на СССР, а в дележе советского наследства после гипотетического успеха глобального похода коллективного Запада на Восток.

Этот нюанс в позициях различных оттенков в спектре политических сил предвоенной Венгрии достоин специального исследования, в том числе и в контексте современного процесса формирования мультиполярной системы международных отношений.

Весьма полезный вклад в исследование темы советско-венгерских отношений в 1939–1941 гг. представлен в труде Т.М. Исламова и Т.А. Покивайловой (Исламов, Покивайлова 2008). Эта монография особенно ценна привлечением

большого количества архивных документов, в т. ч. из Архива внешней политики РФ, в частности, донесений полпреда СССР в Будапеште Н.И. Шаронова в 1940–1941 гг., записей его бесед с венгерскими министрами, политиками и журналистами, позволяющих оценить эффективность советской «мягкосиловой» дипломатии на венгерском направлении.

Что касается современной венгерской научной литературы по теме настоящего исследования, то она, на наш взгляд, наиболее полно отражена в биографической статье историка Левенте Шипоша о венгерском дипломате Йожефе Криштоффи (Sipos 2012). Статья содержит всестороннюю информацию о деятельности Криштоффи в качестве венгерского посланника в Москве, его стремлении использовать улучшение отношений в 1939–1941 гг. для достижения ирредентистских целей режима Хорти.

Достоверным источником выступает также опубликованное на страницах журнала «Историческая экспертиза» интервью Атиллы Колонтари российскому исследователю А.С. Стыкалину (Венгерский историк Атила Колонтари... 2022).

Удачно, на наш взгляд, охарактеризована венгерская историография по теме российско-венгерских отношений в сборнике научных трудов, где оценки венгерскими авторами России характеризуются как «неоднородные и противоречивые» (Игрицкий 2009: 6). Боевые действия Советской Армии на территории Венгрии в конце Второй мировой войны интерпретируются в работе Д. Бебеш и А. Колонтари как освобождение страны от фашизма и оккупация (Игрицкий 2009: 197–213). В то же время венгерские интеллектуалы-литераторы видят в России, по оценке к.филос.н. С.Г. Дюкина, «внекультурную массу со стороны Востока», «неодушевлённое бедствие» не только для Венгрии, но и для всей Европы (Игрицкий 2009: 214–216). Эти оценки соответствуют личным воспоминаниям преподавателя МГИМО, к.филол.н. В.С. Иванова (1924—1995), работавшего в послевоенные годы в Союзной Контрольной комиссии по Венгрии. К сожалению, этот выдающийся педагог, автор первого советского учебника венгерского языка, не имел возможности обобщить свой опыт работы в научных трудах исторического и политологического характера.

Советско-венгерские отношения от падения Венгерской советской республики до установления дипломатических отношений

После окончания Первой мировой войны советско-венгерские отношения носили неоднозначный, преимущественно конфронтационный характер. Пришедший к власти, подавив союзную с Советской Россией Венгерскую советскую республику, регент-диктатор Венгрии адмирал Миклош Хорти не мог рассчитывать на расположение Москвы. Но и политическая элита в Будапеште не была

расположена к сотрудничеству со страной, где обосновалась немногочисленная, но боевитая коммунистическая оппозиция, проводившая нелегальную работу и имевшая симпатизантов в самой Венгрии.

Под воздействием экономических факторов и по примеру Германии, получившей существенные бонусы от Рапалльского договора с Москвой, Будапешт тем не менее в 1924 г. проявил инициативу по началу переговоров об установлении дипотношений с Москвой. В результате состоявшихся в Берлине переговоров советский полпред Н.Н. Крестинский и заместитель министра иностранных дел Венгрии К. Каня 5 сентября 1924 г. подписали договор об установлении дипломатических и консульских отношений, а несколько позже – соглашение об установлении торговых сношений и об учреждении обоюдных представительств.

Эти документы, однако, не были ратифицированы. Согласно официальной советской версии «венгерская реакция, наконец, добилась того, что вопреки национальным интересам венгерского народа договорные акты с СССР были отклонены и не вступили в силу» (Пушкаш 1972: 216). Стоит добавить, что и активность советской стороны в продвижении ратификации договоров в известной мере тормозилась венгерской коммунистической эмиграцией, так как эмигранты не без оснований опасались деятельности хортистской политической полиции в Москве под прикрытием дипломатического ведомства. Именно в 1924 г. один из лидеров эмиграции Матяш Ракоши по поручению партии был направлен на нелегальную работу в Венгрию, где вскоре был арестован и подвергся длительному тюремному заключению (Ваш 1951).

Таким образом, вплоть до 1934 г. дипломатические отношения между двумя странами отсутствовали, притом ни в Москве, ни в Будапеште не было единства мнений относительно целесообразности юридического признания друг друга. В советском Наркомате по иностранным делам Г.В. Чичерин успешно проводил «политику Рапалло» – игры на межимпериалистических противоречиях. Венгрия как жертва держав-победительниц, потерявшая по Трианонскому мирному договору две трети территории и половину населения, была идеальным объектом для «политики Рапалло». Тем более что при этом открывалась возможность игры на противоречиях между хортистской Венгрией и боярской Румынией, оккупировавшей в 1918 г. Советскую Бессарабию. Известно, что СССР подписал пакт Бриана – Келлога с оговоркой, что линия разграничения по реке Прут для Москвы не государственная граница, а лишь демаркационная линия.

Однако на линию чичеринского НКВД оказывало воздействие руководство Коминтерна, поощрявшее венгерскую коммунистическую эмиграцию к активным действиям против режима Хорти. В персонифицированном виде этот дуализм советской внешней политики находил выражение в неприязненных отношениях между наркомом Г.В. Чичериным и его заместителем М.М. Литви-

новым, которые, как даёт понять в своих мемуарах бывший сотрудник аппарата ЦК ВКП(Б) Б.Г. Бажанов, использовали политические и этические предлоги для сведения личных счётов (Бажанов 1992: 54).

Не было единства и в Будапеште – ни по отношению к Москве, ни относительно общей политической ориентации страны в послевоенную эпоху. С одной стороны, венгерская политическая элита (и лично Хорти) поставили в фокус внешней политики страны ревизию положений Трианонского мирного договора, прежде всего в части, касающейся отторжения территорий в пользу Румынии, Чехословакии и Югославии. Одновременно наиболее дальновидные политические деятели, включая Бетлена, стремились к игре на противоречиях между великими державами без прямого вовлечения Венгрии в военный союз с ними, понимая, что ангажированность в пользу того или иного блока неминуемо приведёт к участию в новой войне со всеми вытекающими трагическими последствиями.

В политическом спектре Венгрии 1930-х гг. фигурировала и радикальная фашистская партия салашистов, к которой благосклонно относились в Берлине. Но эта партия находилась в оппозиции и пришла к власти только после прямой оккупации немецкими войсками в 1944 г., причём её лидер подвергался тюремному заключению, из которого был освобождён по личному настоянию Гитлера. То есть, несмотря на очевидную причастность к идее «крестового антибольшевистского похода», хортисты длительное время сохраняли некоторую, пусть небольшую, но свободу дипломатического манёвра. Этой свободой и стремилась воспользоваться советская дипломатия.

Установление дипломатических отношений СССР с Венгрией и Румынией

Установление СССР дипломатических отношений с Венгрией и Румынией в 1934 г. стало логичным шагом политики формирования системы коллективной безопасности в Европе, которую Москва активно противопоставила линии Лондона и Парижа на соглашательство с германской экспансией после прихода к власти нацистов. При этом советская дипломатия не прочь была поиграть на противоречиях между Будапештом и Бухарестом, отдавая некоторое предпочтение Будапешту. Дипломатические отношения с Венгрией были установлены на четыре месяца раньше, чем с Румынией.

Сотрудник советского полпредства в Берлине, будущий заместитель министра иностранных дел СССР А.А. Смирнов, которому было поручено учредить полпредство в Будапеште, отмечал впоследствии, делаясь своим воспоминаниями с автором настоящей статьи, что венгерские чиновники проявили по отношению к нему полное понимание и готовность к сотрудничеству. Полпредство получило особняк на ул. Стефания и в 1935 г. приступило к работе.

Первым полпредом с резиденцией в Будапеште стал Александр Артемьевич Бекзадян. Одновременно в Москве открылась миссия, которую возглавил опытный дипломат со знанием русского языка Михай Юнгерт-Арноти. Последнему довольно быстро удалось установить хорошие связи в дипкорпусе Москвы и даже контакт с Литвиновым, с которым он был лично знаком ещё по переговорам об обмене военнопленными после Первой мировой войны.

Сколько-либо заметного развития межгосударственные отношения в этот период, однако, не получили в силу того, что в Будапеште по-прежнему доминировали антибольшевистские настроения, а на деятельности венгерской миссии в Москве отрицательно сказывалась, по словам венгерского историка Левенте Шипоша, «атмосфера массовых концепционных судов 1937–1938 гг. с её всеобъемлющими парализующими последствиями и безмерной подозрительностью по отношению к иностранцам» (Sipos 2012: 2). Жертвами этих «концепционных судов» стал и полпред А.А. Бекзадян и практически все советские представители в Будапеште периода 1935–1941 гг. Большинство из них попали в печально известный список «Москва – Центр» вместе с сотнями других репрессированных работников НКВД и совзагранучреждений.

Разрыв и возобновление дипломатических отношений накануне Второй мировой войны

2 февраля 1939 г. нарком М.М. Литвинов сообщил венгерскому посланнику в Москве, что СССР прерывает дипломатические отношения с Венгрией в связи присоединением Будапешта к Антикоминтерновскому пакту. При этом нарком подчеркнул, что речь идёт не о разрыве дипломатических отношений, а о прекращении деятельности представительств обеих стран в их столицах. Контакты по линии дипломатических ведомств Москва предлагала продолжить через представительства в столицах других стран.

Министр иностранных дел Иштван Чаки верно оценил демарш Москвы не как антивенгерскую меру, а как жест, предостерегающий правительства других государств от присоединения к Антикоминтерновскому пакту. Видимо, поэтому венгерская сторона не торопилась с налаживанием каких-либо контактов через представительства в столицах третьих государств (Sipos 2012: 2–3). Лишь в июле 1939 г. соответствующий зондаж был предпринят через венгерское посольство в Варшаве.

События между тем развивались с ошеломляющей быстротой сразу на нескольких дипломатических и военных треках. В марте 1939 г., вопреки обязательствам по «Мюнхенскому сговору» 1938 г., германские войска оккупировали Чехию и Моравию. С и без того призрачной независимостью соседнего с Венгрией Чехословацкого государства было покончено. На это не могла не отреагировать и Москва. 17 апреля 1939 г. советское правительство обратилось к британскому и французскому с предложением о заключении соглашения о вза-

имной помощи в случае агрессии против одного из государств-подписантов со стороны Германии или союзных с нею государств. Неделью спустя Литвинов был смещён со своего поста, и портфель наркома по иностранным делам перешёл в руки председателя Совнаркома В.М. Молотова.

Начавшиеся в июне советско-англо-французские переговоры в полной мере выявили линию западных держав на канализацию германской экспансии на Восток против СССР. Во избежание этого И.В. Сталин резко изменил внешнеполитический курс и заключил советско-германский Пакт о ненападении. Этот шаг не мог не оказать воздействия на советско-венгерские отношения. Юнгерт-Арноти вступил в контакт с советскими дипломатами в Париже. В начале сентября полпредству СССР во Франции было поручено сообщить венгерской стороне о возможности возобновить деятельность своей миссии в Москве. Официальное сообщение об этом было сделано спустя день после начала Польского похода Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию, когда стало ясно, что у СССР и Венгрии появится общая граница. Уже в октябре дипломатические отношения на уровне миссий были восстановлены в полном объёме. В Будапешт был направлен полпред (с 9 мая 1941 г. Чрезвычайный и Полномочный Посол) Николай Иванович Шаронов, имевший к тому времени опыт дипломатической работы в Греции, Польше и Словакии. Одновременно в Москву прибыл новый венгерский посланник Йозеф Криштоффи.

Криштоффи, безусловно, уступал своему предшественнику Юнгерту-Арноти по положению в венгерском дипломатическом корпусе. Но Юнгерт-Арноти уже получил другое назначение и отбыл к месту своего нового пребывания. Сказалось на назначении Криштоффи и то, что он хорошо зарекомендовал себя на работе в посольстве в Варшаве, где в то же время СССР представлял новый полпред в Будапеште Н.И. Шаронов.

19 октября 1939 г. Криштоффи передал копии верительных грамот В.М. Молотову, который в краткой беседе заверил посланника в намерении Москвы развивать добрососедские отношения с Венгрией. Эта же мысль, как телеграфировал Криштоффи в Будапешт, была высказана и председателем ЦИК М.И. Калининым в беседе после вручения верительных грамот 25 октября. Глава советского государства подчеркнул при этом, что между двумя странами нет антагонизмов, а были лишь «недоразумения», препятствовавшие развитию отношений в прошлом. Опытный Криштоффи воспользовался этим замечанием советского руководителя для того, чтобы поставить вопрос о заключении соответствующего двустороннего соглашения между двумя правительствами, на что, по словам посланника, было дано обещание «изучить эту ценную инициативу» (Sipos 2012: 4).

Период между восстановлением дипломатических отношений в октябре 1939 г. и вступлением Венгрии в войну с СССР 27 июня 1941 г. был насыщен дипломатическими событиями. Хортисты, несмотря на присоединение к Антикоминтерновскому пакту, всё ещё надеялись, что им удастся избежать вовлечения

страны в большую войну. Идеальным для них был бы расклад политических сил, при котором все западные державы, включая Великобританию, Германию, Италию и Францию, выступили бы единым фронтом против СССР. Хортистская модель фашизма идеально вписывалась в такую геополитическую парадигму, т. к. в ней не было свойственной германскому нацизму юдофобии, сделавшей Берлин в конечном итоге нерукопожатным для США и Великобритании. Антисемитизм Хорти и его приспешников был, по словам очевидцев тех лет, достаточно умеренным, а принятые в тот период «еврейские законы» оставляли весьма многочисленной еврейской общине Венгрии некоторое юридическое пространство для существования. Геноцид евреев в Венгрии начался после оккупации страны гитлеровцами в марте 1944 г. и связан с именем казнённого после войны лидера фашистской партии «Скрещённые стрелы» Ференца Салаши. Эта политика вписывалась в контекст общей линии хортизма, приветствовавшей сотрудничество с западными демократиями на антисоветской основе.

Тактика дипломатического лавирования между великими державами некоторое время приносила хортистам плоды. Так, не порвав окончательно с англичанами, Хорти сумел при посредничестве Германии и Италии добиться возвращения Венгрии части территорий, утраченных по Трианонскому мирному договору в пользу Словакии (1938 г.) и Румынии (1940 г.) (Первый и Второй Венский арбитражи).

С оккупацией гитлеровцами Польши и заключением советско-германского Пакта о ненападении надежды хортистов на формирование единого антисоветского блока западных держав для похода на Восток окончательно рухнули. Хорти оказался стиснутым между Берлином, Лондоном и Москвой, но продолжал лавировать, стремясь избежать прямого вовлечения в конфликт по примеру Франко в Испании, Инёню в Турции и царя Бориса в Болгарии. На короткий период затеплилась надежда на реализацию планов избежать прямого вовлечения в конфликт между великими державами, связанная с планами формирования т. н. антиатлантического «континентального блока» евразийских держав. В случае удачи германской дипломатии, навязывавшей СССР участие в совместном противостоянии англо-саксонским державам в ходе визитов министра иностранных дел Третьего рейха Й. фон Риббентропа в Москву (23–24 августа; 27–29 сентября 1939 г.) и главы советского внешнеполитического ведомства В.М. Молотова в Берлин (12–13 ноября 1940 г.), геополитическое положение Венгрии перемещалось бы с передовой линии в глубокий тыл мирополитического процесса, к чему и стремились хортисты.

Но планы формирования «континентального блока» провалились, потому что в Москве верно оценивали соотношение сил накануне войны и понимали обречённость планов нацистов на завоевание мирового господства при помощи СССР, которому они отводили роль временного партнёра, подлежащего полному и безоговорочному подчинению. Но и по идеологическим причинам

И.В. Сталин не мог отказаться от роли лидера мирового коммунистического антифашистского рабочего движения, всё более набравшего силу в предвоенные годы.

Весьма сложной была политическая обстановка внутри Венгрии. Именно на период с августа 1938 по сентябрь 1940 гг. приходится тюремное заключение в Сегежской тюрьме вождя венгерской радикальной фашистской партии «Скрёщённые стрелы» Ф. Салаши. Его освобождение прямо связывалось в Будапеште с давлением Берлина. Тогда же активизировались контакты с Москвой по освобождению из заключения лидера венгерских коммунистов Матяша Ракоши и его ближайшего сподвижника Золтана Ваша.

Между тем настроенная главным образом англофильски венгерская либерально-демократическая общественность после заключения советско-германского Пакта о ненападении была тотально дезориентирована политически. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что лауреат Нобелевской премии и убеждённый антифашист, выдающийся венгерский биохимик Альберт Сент-Дьёрди с началом советско-финской зимней войны посетил посольство Финляндии и передал в пользу финского Красного Креста свою золотую нобелевскую медаль и солидный денежный вклад в пользу жертв войны (Ala-Fossi, Richly, Vilisic 2014: 9).

К началу 1940 г. в Венгрии было рекрутировано наибольшее по сравнению с другими европейскими странами число добровольцев, вызвавшихся участвовать в советско-финской войне 1939–1940 гг. на стороне Финляндии. Из 25 тыс. волонтеров к декабрю 1939 г. был сформирован пятитысячный батальон, который в итоге прибыл в Финляндию, но участия в боевых действиях не принял, т. к. пока волонтеры обучались необходимой в условиях северной зимы ходьбе на лыжах, война закончилась. Многие из них тем не менее были удостоены Маннергеймом финских государственных наград.

Советско-финская война поставила в крайне неудобное положение все политические партии, оппозиционные режиму Хорти. Крупнейшая из них, социал-демократическая, была расколота: прокоммунистическое меньшинство, в любых случаях всегда поддерживавшее Москву, было исключено из партии (Ala-Fossir, Richly, Vilisic 2014: 19). Пришли в замешательство и ориентировавшиеся на Берлин крайне правые. Если вначале они приветствовали антисоветскую войну «угрофинских братьев» по крови, то позже, в духе Пакта Молотова – Риббентропа, активно выступили против рекрутирования добровольцев на финско-советский фронт (Ala-Fossir, Richly, Vilisic 2014: 19).

В этих непростых обстоятельствах перед советской дипломатией стояла исключительной сложности задача склонить общественное мнение Венгрии в свою пользу. И шаги в этом направлении были предприняты. Предвоенные месяцы накануне германского нападения на СССР стали временем наибольшей активности в советско-венгерских отношениях. Для их развития важно было оказать воздействие на общественное мнение Венгрии.

Советская «мягкосиловая дипломатия» 1939–1941 гг.

В 1849 г. не без наущения канцлера К.В. Нессельроде «жандарм Европы» Николай I спас австрийское господство над Венгрией, направив против революционной армии Кошута русские войска во главе с генерал-фельдмаршалом И.Ф. Паскевичем. Эта интервенция решила исход освободительной борьбы венгров против Габсбургов. Габсбургами вина за продолжение их господства над венграми была возложена на Россию и русских казаков. Для этого использовались всевозможные приёмы антироссийской пропаганды, давшей к началу Второй мировой войны обильные плоды. В течение десятилетий венгерская молодёжь воспитывалась на традициях восстания во главе с Лайошем Кошутот.

При полном понимании этих сложных исторических обстоятельств советская внешняя политика предприняла весьма верный и полезный ход, достойный быть внесённым в хрестоматию дипломатии «мягкой силы». Было принято решение передать венгерскому правительству трофейные знамёна армии Кошута, захваченные солдатами Паскевича. Это был пример эффективной дипломатической акции, когда культурно-гуманитарными методами удалось достичь существенных политических результатов.

Впервые идея эта пришла в голову венгерскому посланнику Юнгерт-Арноти ещё в 1935 г., но была воспринята в Будапеште как утопическая. По-настоящему контакты по вопросу о передаче знамён начались осенью 1940 г. Поначалу ни в Москве, ни в Будапеште не было уверенности в успехе акции. Новый импульс переговорам придало предложение об обмене знамён на лидера венгерских коммунистов Матяша Ракоши, томившегося в заключении в Венгрии. Обе стороны были заинтересованы в сокрытии торга по столь деликатному вопросу. Некоторые его детали засекречены до сих пор. Для этого, в частности, было решено «развести» обе части дипломатической сделки по времени. 2 ноября 1940 г. Ракоши был передан на границе советским властям, а 7 ноября он уже присутствовал на трибуне праздничного парада в Москве.

Дело теперь было за советской стороной, и она не заставила себя долго ждать. 20 марта 1941 г. в торжественной обстановке по поручению Правительства Союза ССР 56 трофейных знамён были переданы генералом армии И.В. Тюленевым посланнику Й. Криштоффи. В Краснознамённом зале Центрального дома Красной армии был выстроен почётный караул, прозвучали венгерский национальный гимн и Интернационал. После подписания акта о передаче знамён Тюленев и Криштоффи выступили с речами. В тот же день венгерские знамёна в сопровождении почётного караула и представителей Народного Комиссари-

ата обороны Союза ССР и Венгерской миссии в Москве были отправлены на советско-венгерскую границу для вручения специально прибывшей на границу венгерской делегации⁴.

Как явствует из материалов печати, советская сторона максимально эффективно использовала факт возвращения знамён для демонстрации дружественных намерений в отношении Венгрии. Помимо церемонии в Центральном доме Красной армии были организованы торжественные мероприятия на Киевском вокзале в Москве и непосредственно на советско-венгерской границе. Сообщения об этом событии были опубликованы в центральной советской печати и во всех областных газетах. Акт передачи революционных реликвий был оформлен обменом письмами между наркомом В.М. Молотовым и министром иностранных дел Ласло Бардоши. Как отмечал в своём отчёте Криштофи, при передаче ему письма первый заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский с необычной для него словоохотливостью не скупился на изъявления дружественных намерений в отношении Венгрии (Sipos 2012: 10).

В тексте ответного письма Молотова на благодарственное письмо венгерского министра позиция Москвы была выражена недвусмысленно: «Советское Правительство в отношении Венгрии неизменно руководствовалось и будет руководствоваться впредь стремлением к укреплению и развитию добрососедских отношений на благо наших стран и народов» (Sipos 2012: 10).

Об успехе этой советской дипломатической акции свидетельствовала, в частности, обеспокоенность, выраженная в этой связи германским посольством в СССР, которое поспешило предупредить венгерского посланника о «коварстве Москвы», действующей исключительно в целях «завоевания симпатий венгерского народа» (Sipos 2012: 10).

В целом, по свидетельству венгерского историка Атилы Колонтари, временной отрезок с лета 1940 г. по апрель 1941 г. оказался в истории советско-венгерских отношений намного плодотворнее, чем весь предшествовавший период (Венгерский историк Атила Колонтари... 2022: 164). В течение нескольких недель Москва и Будапешт нашли решение ряда вопросов, по которым не могли достичь согласия в течение долгих лет. В начале сентября 1940 г. в Москве было подписано торговое и платёжное соглашение, предусматривавшее товарообмен между двумя странами в размере 3,7 млн долл. США. В феврале 1941 г. были заключены соглашения о восстановлении почтовой и телеграфной связи и о железнодорожном сообщении.

⁴ Сообщение о возвращении Венгрии военных знамён венгерской революции 1848 года 21 марта 1941 г. 1998. *Документы внешней политики. 1940 — 22 июня 1941*. В 2-х кн. Кн. 2 (2). 2 марта 1941 — 22 июня 1941. Москва: Международные отношения. С. 489.

17 января 1940 г. высокопоставленный венгерский чиновник по поручению своего правительства информировал полпреда Н.И. Шаронова о том, что венгерским газетам отныне «отдано распоряжение: 1. статей антисоветского содержания не печатать; 2. цензура из факультативной (необязательной) преобразуется в обязательную, т. к. одна газета дала снимок красноармейца в виде бродяги; 3. будут публиковать больше материалов ТАСС». 13 февраля 1949 г. министр иностранных дел Иштван Чаки в беседе с советским полпредом подтвердил эту позицию Будапешта: «Мы спокойны за нашу карпатскую границу, никаких разногласий с Советами не имеем, и вообще угрожаемыми себя с этой стороны не чувствуем» (Исламов, Покивайлова 2008: 83–84).

Активизация двусторонних отношений нашла отражение и в том, что были полностью укомплектованы штаты советской и венгерской миссий в обеих столицах, назначены военные атташе, торговые представители, советники, секретари, представители телеграфных агентств. В октябре 1940 г. состав венгерского посольства в Москве насчитывал 22 сотрудника, советское полпредство в Венгрии – 18 (Венгерский историк Аттила Колонтари... 2022: 164). Судя по документам НКВД, на 1941 г. планировалось серьёзное расширение состава миссии – до 27 лиц, плюс шесть сотрудников торгового представительства.

Улучшение отношений, однако, было недолгим. 6 апреля 1941 г. войска держав «оси» вступили на территорию Югославии. Берлин оказал сильнейшее давление на Будапешт, настаивая на присоединении Венгрии к этой акции, что поставило Хорти и его окружение в сложное положение. Четырьмя месяцами ранее правительство премьер-министра Пала Телеки заключило с Югославией Договор о дружбе и постоянном мире. В ночь с 5 на 6 апреля СССР также подписал с Югославией Договор о дружбе и ненападении. Присоединение к агрессии стран «оси» означало крах политики лавирования, которую хортисты с переменным успехом проводили в течение длительного времени. П. Телеки, подписавший упомянутый венгеро-югославский договор, испытывал и личный морально-психологический стресс. 3 апреля он покончил с собой, оставив посмертную записку, в которой назвал Венгрию «нацией мародёров»⁵. В Москве сочли целесообразным откликнуться на это событие телеграммой соболезнования за подписью Молотова.

Под давлением Берлина 10 апреля новый кабинет во главе с Л. Бардошши принял решение о вводе венгерских войск на территорию Югославии. Реакция Москвы последовала незамедлительно: 12 апреля Криштоффи был приглашён в НКВД, где выслушал от Вышинского заявление, опубликованное на следующий день в советской печати. В заявлении, в частности, говорилось, что «Советское правительство не может одобрить подобный шаг Венгрии. На Советское

⁵ Április 3. Gróf Teleki Pál halála. *Kalendarium*. URL: <https://turul.info/napok/telekipalhalala> (accessed 29.11.2023)

правительство производит особенно плохое впечатление то обстоятельство, что Венгрия начала войну против Югославии всего через четыре месяца после того, как она заключила с ней пакт о вечной дружбе»⁶.

С этого момента отношения между двумя странами ухудшились, хотя Кузнецкий мост не ослаблял усилий по поддержанию их на уровне, позволявшем надеяться, что Венгрия не перейдёт под полный диктат Берлина. По данным из венгерских источников, перед возвращением в Будапешт 8 мая 1941 г. Шаронов встретился с Криштоффи и в ходе состоявшейся между двумя дипломатами беседы заметил, что «возникшие между советским и венгерским правительствами расхождения во мнениях не окажут воздействия на отношения между нашими странами и что Советское Правительство неизменно намерено поддерживать с Венгрией добрососедские отношения» (Sipos 2012: 11–12). В шифровке в Будапешт с отчётом об этой беседе Криштоффи резонно добавил от себя, что считает заявление Шаронова выполнением поручения НКВД. Действительно, невозможно представить, чтобы советский дипломат сделал столь важное заявление без санкции руководства.

Возвращение Шаронова к месту службы было ознаменовано новым всплеском благожелательности во взаимных отношениях, на сей раз не столько на официальном, сколько на гуманитарном уровне. В мае 1941 г. СССР впервые принял участие в традиционной Будапештской ярмарке. Советский павильон на ярмарке привлёк небывалый интерес общественности. Выставку продукции советской промышленности и сельского хозяйства посетили сам регент с супругой и два министра. Посетители выстраивались перед советским павильоном в длинные очереди⁷ (Sipos 2012: 12).

Последние попытки предотвратить катастрофу (май–июнь 1941 г.)

Маховик приготовлений к войне тем временем продолжал неумолимо раскручиваться. Активно подталкивала Венгрию к пропасти германская дипломатия и разведка, опиравшаяся на свою агентуру. Её наиболее активным представителем в политической элите Будапешта был начальник генштаба Хенрик Верт. В дни, когда Хорти посещал советский павильон на ярмарке, Верт представил премьер-министру Л. Бардоши меморандум⁸, в котором со ссылкой на неиз-

⁶ В Народном комиссариате иностранных дел СССР 12 апреля 1941 г. 1998. *Документы внешней политики. 1940—22 июня 1941*. В 2-х кн. Кн. 2 (2). 2 марта 1941—22 июня 1941. Москва: Международные отношения. С. 553.

⁷ Те из них, кто остался в живых, в 1967 г. были приглашены в советский павильон на Будапештской ярмарке, чтобы отметить четвертьвековой юбилей выставки. Автор этих строк, командированный на это мероприятие в качестве переводчика, был свидетелем того, как посетители-ветераны со слезами на глазах вспоминали о советской выставке 1941 г. за полтора месяца до начала войны.

⁸ Ласло Ж. (ред.). 1962. *Венгрия и Вторая мировая война, Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны*. Пер. с венгерского Б.Я. Гейгера и Н.Н. Сикачева. Москва: Издательство иностранной литературы. С. 252–255.

бежность начала войны между Германией и СССР в ближайшем будущем настаивал на заключении гарантийного пакта взаимопомощи с Берлином, в том числе и для реализации территориальных претензий хортистов к соседним государствам. «Наше присоединение к державам “оси”, – говорилось в меморандуме, – делает участие Венгрии в войне обязательным. Это необходимо также потому, что на дальнейшее расширение территории страны можно рассчитывать только в том случае, если мы и впредь будем стойко и верно придерживаться политики держав “оси”. В качестве вознаграждения мы наверняка получим обратно все территории исторической Венгрии. В германских компетентных кругах всегда делались намёки на этот счёт, а политический курс, который до сих пор проводили державы “оси”, позволяет с полной уверенностью надеяться на это. Мы тем более должны присоединиться к военным действиям, поскольку Румыния уже взяла на себя обязательство принять участие в войне. Ловкая румынская пропаганда уже использовала это обстоятельство против нас. Если же мы опоздаем с присоединением к войне, то тогда придётся не только отказаться, может быть навечно, от дальнейших территориальных претензий к Румынии, но мы можем даже поставить под угрозу всё то, что было приобретено до сих пор»⁹.

Со своей стороны немцы не сомневались в лояльности прогитлеровского сегмента венгерской политической элиты, и считали обречёнными на фиаско попытки хортистов уклониться от прямого участия в предстоящем гитлеровском нашествии. В беседе с послом В.Г. Деканозовым за четыре дня до нападения Германии на СССР статс-секретарь германского МИДа Э. Вайцзеккер дал характеристику Л. Бардоши как приверженцу «оси», самодовольно добавив при этом: «Да другим и не может быть венгерский министр иностранных дел, поскольку всё то, что получила Венгрия, она получила благодаря державам “оси”»¹⁰.

Статс-секретарь в данном случае был не совсем прав. Борьба в венгерской политической элите ещё продолжалась; тот же Бардоши не дал хода упомянутому меморандуму Верта. Что касается Бетлена и самого Хорти, то они до конца сопротивлялись прямому вовлечению Венгрии в войну. Разумеется, они были антикоммунистами и русофобами, но, будучи реалистами, они понимали, что война для Венгрии – это трагедия, а победа Германии в ней сомнительна. Этим пониманием объясняется тот факт, что Венгрия не вступила в войну 22 июня 1941 г., как, например, Румыния, или 25 июня, как Финляндия, или даже как Словакия – 26 июня. Этим объясняются и некоторые сомнения относительно

⁹ Там же. С. 254.

¹⁰ Из дневника посла СССР в Германии В.Г. Деканозова, 18 июня 1941 г. 1998. *Документы внешней политики. 1940—22 июня 1941*. В 2-х кн. Кн. 2 (2). 2 марта 1941—22 июня 1941. Москва: Международные отношения. С. 744.

позиции Венгрии и в самом Берлине, где, по свидетельству фельдмаршала Паулюса, сочли Венгрию единственным из сателлитов Германии, которого не сочли нужным информировать о содержании «плана Барбаросса»¹¹.

Кабинет министров на своём заседании 23 июня ограничился решением о разрыве дипломатических отношений с СССР, причём в хортистском правительстве нашёлся политик (министр внутренних дел), предостерегший коллег от излишней торопливости. Сам Бардоши, сообщая германскому послу об этом решении правительства, неожиданно робко спросил немца, не стоит ли венграм сохранить миссию в Москве, чтобы «проводить через неё разведывательную деятельность в пользу Германии» (Венгерский историк Атила Колонтари... 2022: 172), на что последовал ответ, что в этом нет необходимости.

В эти судьбоносные часы советское руководство также предпринимало шаги для предотвращения советско-венгерской войны. 23 июня Молотов пригласил Криштоффи «для того, чтобы проинформироваться у него о текущих событиях» и о позиции Венгрии по отношению к начавшейся советско-германской войне. Одновременно нарком добавил, «что Советский Союз не имеет никаких спорных вопросов в своих отношениях с Венгрией и не имеет к Венгрии никаких претензий. Советский Союз не имеет возражений по поводу осуществлённого за счёт Румынии увеличения территории Венгрии»¹²: нарком имел ввиду передачу Венгрии части Трансильвании по Второму Венскому арбитражу. Криштоффи в своей шифротелеграмме в Будапешт усилил эту часть записи беседы, распространив слова Молотова и на будущее.

Слова эти, видимо, до Хорти не дошли. Тем не менее, когда военный министр и начальник генштаба потребовали от регента присоединиться к Германии, последний отклонил их предложение, рассчитывая, видимо, даже в этих сложнейших условиях сохранить нейтралитет страны. И тогда в ход была пущено испытанное средство гитлеровской дипломатии: провокация.

Бомбёжка Кошице

26 июня 1941 г. в 13 часов 8 минут над перешедшим под венгерскую юрисдикцию по Первому Венскому арбитражу словацким городом Кошице появились три бомбардировщика без опознавательных знаков с жёлтыми полосами вокруг фюзеляжей (этими полосами обычно обозначались самолёты держав «оси»). Самолёты сбросили бомбы на центральную улицу города, причинив разрушения и человеческие жертвы. Несмотря на отсутствие серьёзного рас-

¹¹ Paulus F. 1960. «*Ich stehe hier auf Befehl!*». Fr./M. S. 130–131.

¹² Запись беседы Народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова с Посланником Венгрии в СССР Ж. Криштоффи, 23 июня 1941 г. 2000. *Документы внешней политики*. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Т. XXIV. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Москва: Международные отношения. С. 21.

следования этого инцидента, начштаба Хенрик Верт сделал всё для того, чтобы представить бомбардировку налётом советской авиации. Это послужило последним толчком, решившим исход сложной дипломатической борьбы во внешнеполитической ориентации Венгрии. Война СССР была объявлена пять дней спустя после начала гитлеровского нашествия.

Вплоть до настоящего времени высказываются суждения ангажированных историков о том, что Кошице действительно бомбили советские самолёты. Между тем эта версия даже спустя восемьдесят лет не выдерживает никакой критики. Во-первых, в бомбардировке Кошице у Красной Армии не было необходимости. Во-вторых, советские ВВС в первые дни войны понесли столь значительные потери в живой силе, технике и горючем, что вряд ли были способны осуществить столь дальний рейд даже по ошибке. В-третьих, как отмечает историк и журналист М.А. Жирохов, сохранившим боеспособность всем, включая бомбардировочные, авиационным частям советских ВВС на юго-западном направлении был отдан приказ сосредоточиться на непосредственной поддержке частей на передовой, о каких-либо дальних рейдах не могло быть и речи¹³.

В этой связи наиболее вероятной версией произошедшего видится «румынская» в изложении венгерского историка А. Колонтари (Венгерский историк Аттила Колонтари... 2022: 181). Согласно этой версии, румынский офицер (полковник Ион Чернояну (Cernoianu)) в советском плену сказал одному из венгерских военнопленных лётчиков (Иштвану Золчаку (Zolcsák)) в пылу спора о принадлежности Трансильвании, что Кошице бомбили румынские самолёты по приказу диктатора Антонеску. Хотя Колонтари сомневается в достоверности этой версии, она подкреплена документами и воспоминаниями И. Золчака¹⁴. Упоминают об этой версии и другие венгерские и словацкие источники¹⁵.

Достоверность версии подтверждается и личностью самого Золчака (1921–2006), убеждённого венгерского националиста, хортистского офицера-лётчика, активного участника антисоветского восстания 1956 г. Его, следовательно, никак нельзя заподозрить в симпатиях к СССР. А самое главное, только «румынская версия» даёт ответ на ключевой вопрос при расследовании любого преступления: *Cui prodest* (Кому выгодно?) Выгодно было фашистам: немецким – чтобы поскорее ввергнуть Венгрию в войну с СССР; румынским – чтобы венгерская армия отошла от границ Трансильвании; венгерским – чтобы обвинить СССР

¹³ Жирохов М.А. 2004. Бомбежка Кошице». URL: <http://www.airwar.ru/history/av2ww/axis/koshice/koshice.html> (дата обращения 29.11.2023)

¹⁴ Zolcsák István [et al.]; szerk. 1978. Anna Walter de Fehér. *Erdélyi magyarság* [Transylvanian Hungarians]. Fel. szerk. Buenos Aires.

¹⁵ Balassa Z. Kassa bombázása még mindig rejtély III [Kass Bombing is Still a Mystery]. *Felvidék.ma*. A hírportál működtetője: Szövetség a Közös Célokért – URL: <https://felvidek.ma/2021/06/kassa-bombazasa-meg-mindig-rejtely-iii/> (accessed 29.11.2023) (In Hungarian); Sándor G. 2017. Kassa felett az ég... [The Sky above Kassa]. 444. *Történelem*. Július 18. URL: <https://444.hu/2017/07/18/kassa-felett-az-eg> (accessed 29.11.2023) (In Hungarian).

в агрессии и поскорее приступить к завоеваниям на обширном пространстве «страны варваров» (Barbárország), как они называли Россию. Ведь Х. Верт обещал, что после скорой победы венгерские солдаты вернутся домой в августе 1941 г., к уборке урожая. Начальник генштаба ошибся: только с 12 января по 9 февраля 1943 г. 2-ая венгерская армия, прикрывавшая тылы вермахта, по подсчётам её командования, потеряла 148 тыс. человек убитыми, ранеными, пропавшими без вести и пленными (Гришина 2009: 200).

Заключение

Исторический анализ событий 80-летней давности однозначно свидетельствует о том, что маховик войны, запрограммированный в Версальско-Вашингтонской системе, раскручивался неотвратимо. Пойдя на беспринципные уступки в Мюнхене, западные державы сделали Вторую мировую войну в Европе практически неизбежной. Провалились и мечты хортистов о «крестовом» антибольшевистском антироссийском походе монолитного христианского Запада.

Что же касается усилий советской дипломатии на венгерском направлении в 1934–1941 гг., то и в наше время они имеют положительное значение как для развития российско-венгерских отношений, так и для укрепления безопасности на континенте. События современной истории показывают, что, как и восемьдесят лет назад, курс на укрепление суверенитета Венгрии (и не только Венгрии) в европейских делах может быть значительно более эффективным при поддержании конструктивного диалога с Москвой.

Об авторе:

Владимир Фёдорович Пряхин – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры дипломатии МГИМО-Университета, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: pryakhin2010@mail.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Благодарности:

Автор выражает признательность рецензентам настоящего исследования за ценные замечания и рекомендации.

UDC 32:172.15(470+571)(476)

Received: October 11, 2023

Accepted: November 21, 2023

Soviet Diplomatic Efforts to Prevent Hungary's Alignment with Germany in World War II (1939–1941)

V.F. Pryakhin

[DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-69-91](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-6-93-69-91)

MGIMO University

Abstract: The history of Soviet-Hungarian interactions from the establishment of diplomatic relations until Hungary joined World War II alongside the Axis powers offers valuable insights into the dynamics between small and great powers, as well as the efforts of small European states, particularly Hungary, to navigate their national interests in foreign policy amidst Nazi Germany's encroachments. This period was defined by two primary factors: the Hungarian political elite, led by Miklós Horthy, sought to join a quasi-"crusade" against Comintern Soviet Russia, while simultaneously striving to avoid deep involvement in major conflicts between the great powers. This dual approach aligned with the policies of Hitler's Western appeasers, who aimed to redirect German expansion eastward. In this geopolitical scenario, American and Western European actors (including Great Britain and France) were relegated to the role of observers, anticipating a prolonged conflict between Nazi Germany and the Soviet Union that would drain both. Hungary, as strategized by Budapest, hoped to secure a position among these observers, avoiding direct conflict participation, and to later engage in territorial reconfiguration post-World War II. However, the reality in Europe by the early 1940s diverged significantly, with Western powers (the USA and Great Britain) unable to redirect Hitler's global domination ambitions eastward. Facing an existential threat, these powers were compelled to enter the war. Against this backdrop, Soviet diplomacy endeavored to deter Hungary's alliance with Nazi Germany. Although ultimately unsuccessful, examining these diplomatic efforts offers valuable lessons in the context of the current evolution towards a multipolar world.

Keywords: Hungarian foreign policy, World War II, Soviet-Hungarian relations, return of the banners of the Hungarian revolutionary army of 1848–1849, bombing of Kosice on June 26, 1941

About the author:

Vladimir F. Pryakhin – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Diplomacy of the MGIMO University. 119454, Prospekt Vernadskogo 76, Moscow, Russia. E-mail: pryakhin2010@mail.ru.

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgments:

The author expresses gratitude to the reviewers of this article for their valuable comments and recommendations.

References:

Ala-Fossi N., Richly G., Vilisic F. 2014. *Unkarilaiset Vapaaehtoiset Talvisodan suomessa* [Hungarian Volunteers in Finland during the Winter War]. Helsinki – Budapest: Unkarin Suurlähetystö Helsingissä / Embassy of Hungary in Helsinki. (In Finnish and English).

Sipos L. 2012. Kristóffy József moszkvai magyar követ [József Kristóffy as the Hungarian Envoy in Moscow]. Budapest, Grotius Honlap, URL: http://www.grotius.hu/doc/pub/BZARFY/2012_131_sipos_levente_kristoffy_jozsef_moszkvai_magyar_kovet.pdf (accessed 29.11.2023) (In Hungarian).

Bazhanov B.G. 1992. *Vospominaniya byvshego sekretarya Stalina* [Memoirs of Stalin's Former Secretary]. Moscow: Vsemirnoe slovo. 138 p. (In Russian).

Grishina A.S. 2009. *Ostrogzhsko-Rossoshanskaya nastupatel'naya operatsiya: 40-ya armiya Voronezhskogo fronta protiv 2-j Vengerskoy korolevskoy armii: Uroki istorii* [Ostrogzh-Rossoshan Offensive Operation: 40th Army of the Voronezh Front against the 2nd Hungarian Royal Army: History Lessons] (In Russian).

Igritskiy Yu.N. (ed.) and other authors. 2009. *Sovremennaya Rossiya v otsenkakh vostochnoyev* [Modern Russia in the Assessments of Eastern Europeans] Sat. scientific works. RAS. INION, Center for Scientific Information. research global and regional. problems. Moscow. 216 p. (In Russian).

Islamov T.M., Pokivaylova T.A. 2008. *Vostochnaya Yevropa v silovom pole velikikh derzhav. Transilvanskiy vopros. 1940–1946 gg.* [Eastern Europe in the Force Field of Great Powers. Transylvanian Question. 1940–1946] Moscow: Indrik. 240 p. (In Russian).

Nyikiforov K.V. (ed.) 2011. *Yugoslaviya v XX veke: Ocherki politicheskoy istorii* [Yugoslavia in the 20th Century: Essays on Political History] Moscow: Indrik. 888 p. (In Russian).

Pushkash A.I. 1972. *Istoriya Vengrii v tryokh tomakh/ tom 3* [History of Hungary in Three Volumes. Volume 3]. Moscow: Nauka. 968 p. (In Russian).

Savai F. (ed.). 2016. *Rossiya i Vengria na perekroestkakh yevropeyskoy istorii* [Russia and Hungary at the Crossroads of European history]. Is. II. Collection of scientific articles. Stavropolj: SKFU. 306 p. (In Russian).

Stykalin A.S., Varga Eva (ed.) 2000. *Rossiyskaya belaya emgratciya v Vengrii (1920–1940)* [Russian White Emigration in Hungary (1920–1940s)]. Moscow: Probel. 220 p. (In Russian).

Vash Z. 1951. *Shestnadcat' let v tyur'me* [Sixteen Years in Prison]. Per. s vengerskogo. Moscow: Molodaya gvardiya. 248 p. (In Russian).

Vengerskiy istorik Attila Kolontari o predystorii i konkretnykh obstoyatelstvakh vstupleniya Vengrii v voynu s SSSR v iyunye 1941 g. 2022. [Hungarian Historian Attila Kolontari on the Background and Specific Circumstances of Hungary's Entry into the War with the USSR in June 1941. *Istoricheskaya ekspertiza*. №2. P. 163–184. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Бажанов Б.Г. 1992. *Воспоминания бывшего секретаря Сталина*. Москва: Всемирное слово. 138 с.

Ваш З. 1951. *Шестнадцать лет в тюрьме*. Пер. с венгерского. Москва: Молодая гвардия. 248 с.

Венгерский историк Атила Колонтари о предыстории и конкретных обстоятельствах вступления Венгрии в войну с СССР в июне 1941 г. 2022. *Историческая экспертиза*. №2. С. 163–184.

Гришина А.С. 2009. Острогожско-Россошанская наступательная операция: 40-я армия Воронежского фронта против 2-й Венгерской королевской армии: Уроки истории. *Научные ведомости БелГУ*. 7(62(10)). С. 196–202.

Игрицкий Ю.И. (отв. ред.) и др. 2009. *Современная Россия в оценках восточноевропейцев*: Сб. научн. трудов. РАН. ИНИОН, Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем. Москва. 216 с.

Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. 2008. *Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 гг.* Москва: Издательство «Индрик». 240 с.

Никифоров К.В. (ред.). 2011. *Югославия в XX веке: Очерки политической истории*. Москва: «Индрик». 888 с.

Пушкаш А.И. (отв. ред.). 1972. *История Венгрии в трёх томах*. Т. 3. Москва: Наука. 968 с.

Саваи Ф. (ред.). 2016. *Россия и Венгрия на перекрёстках европейской истории*. Выпуск II: сборник научных статей. Ставрополь: Изд-во СКФУ. 306 с.

Стыкалин А.С., Варга Е.М. (отв. ред.). 2012. *Российская белая эмиграция в Венгрии (1920–1940-е годы)*. Москва: Пробел-2002. 220 с.